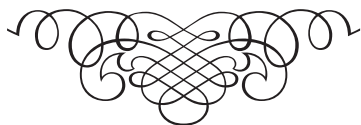

*Моим дорогим родителям,
которые любили музыку,
природу и веселье*

— Как же мне понравилась эта книга!.. Очаровательный дебют Хейзел Прайор.

*Кристан Хиггинс, автор романа
«Good luck with that»*

Мысль:

Одни вещи скрыть легче, чем другие.

Факт:

*Арфы относятся к категории — иные.
Как и маленькие мальчики.*

Цитата Шекспира:

*«Коль музыка, ты — пища для любви,
Играйте громче, насыщайте душу!»**

* «Двенадцатая ночь или что угодно», пьеса Уильяма Шекспира, перевод Андрея Кронеберга (здесь и далее прим. пер.).

1

ДЭН

Сегодня в амбар пришла женщина. Ее волосы — цвета орехового дерева, глаза — цвета папоротника в октябре. Ее носки были цвета вишни; я заметил это, потому что вся остальная ее одежда была унылой. На ее плече висела огромная холщовая сумка. На ней виднелась большая квадратная пряжка, но сама сумка была открыта. Как и рот женщины. Она переминалась с ноги на ногу у двери, и я сказал, чтобы она входила. Моя фраза вышла немного неразборчивой из-за того, что на мне была маска. Она спросила, что я сказал, поэтому я снял маску и наушники и повторил свои слова. Она вошла. Ее носки действительно оказались ярко-красными. Как и ее лицо.

— Извините, что так грубо врываюсь, но я потрясена. — Честно говоря, она и правда выглядела потрясенной. — Это вы... это ведь не вы? Вы все это сделали?

Я ответил, что да, я.

— Вау! Поверить не могу! — воскликнула она, озираясь по сторонам.

Я спросил ее, почему она не может в это поверить.

— Ну, совсем не ожидаешь обнаружить такое в нашей глухомани! Я столько раз доходила до конца

этой аллеи, но даже представить себе не могла, что здесь есть такое!

Я положил наушники и маску на верстак и сообщил ей, что все это и правда *было* здесь. Возможно, мне следовало также отметить, что это никакая не глухомань. Далеко не глухомань. Эксмур — самое живое место из всех, что я знаю, а моя мастерская — важная составляющая этой местности. Но я промолчал. Спорить было бы невежливо.

Мы стояли в лучах утреннего солнца, проникавших в помещение через три окна. Свет подчеркивал наклонные стропила. Он освещал завитки древесной стружки, серебрил края окружавших нас изгибов и дуг и оставлял на полу натянутые тени.

Женщина качала головой так рьяно, что ее орехового цвета волосы, обрамлявшие лицо, подпрыгивали.

— Как мило! Они прекрасны, прелестны! Они словно из сказки. И как странно, что я наткнулась на это место именно сегодня!

Была суббота, девятое сентября две тысячи семнадцатого года. Разве это особенно странный день, чтобы наткнуться на Амбар «Арфа»? Я вежливо улыбнулся. Я не знал, хочет ли она, чтобы я поинтересовался, что в этом странного. Многие находят странным то, что я вообще не нахожу странными, и многие не находят странным то, что я нахожу крайне странным.

Какое-то время женщина продолжала на меня глядеть, затем окинула взглядом амбар и снова посмотрела на меня. Она потянула за ремешок холщовой сумки, поправила ее на плече и сказала:

— Вы не возражаете, если я спрошу кое-что? Вы здесь давно?

Я сообщил ей, что нахожусь здесь уже один час сорок три минуты, а до этого я гулял в лесу. Она улыбнулась и сказала:

— Нет, я имею в виду, давно ли вы используете это место в качестве мастерской?

Я ответил, что приехал сюда, когда мне было десять, а сейчас мне тридцать три, следовательно (я объяснил ей на случай, если она не дружила с математикой), я прожил здесь, двадцать три года.

— Невероятно! Ну никак не могу в это поверить! — повторила она. Казалось, у нее были проблемы с тем, чтобы во что-то верить. Она медленно покачала головой. — Такое ощущение, будто я сплю и вижу сон.

Я предложил ее ущипнуть.

Она рассмеялась. Смех у нее был интересный: взрывной и с легкой хрипотцой.

Я подошел и пожал ей руку, потому что именно так следует поступать, заводя знакомство. Щипать людей неправильно, и я это знал.

— Меня зовут Дэн Холлис, я — эксмурский арфист*, — представился я.

— Рада познакомиться. Я Элли Джейкобс, эксмурская... домохозяйка.

* Здесь и далее слово «арфист» будет применяться в значении «гитарный мастер», специалист по изготовлению арф. Гитарный мастер — это узкая специализация внутри профессии «мастер щипковых музыкальных инструментов». К щипковым, помимо гитар относятся гусли, арфы, балалайки, домры, бандуры — все струнные инструменты, из которых звуки извлекаются щипком или плектром (медиатором).

Термин «домохозяйка» не означает, что вы с утра до ночи хозяйничаете в доме. Это означает, что вы женщина, которая состоит в браке, и ваш муж каждый день уходит на работу, а вы на работу не ходите вообще. Вместо этого сразу после его ухода вы начинаете вытирать пыль, пылесосить, стирать, гладить и выполнять всю остальную работу по дому, и никто даже не предполагает, что вы можете выйти из дома куда-то, кроме как в супермаркет. А в супермаркете вы с грустным лицом, волоча тележку и сверяясь со списком покупок, ходите туда-сюда вдоль полок с товарами. Сколько всего заложено в этом слове — «домохозяйка».

— Забавно, — задумчиво произнесла она, вновь обводя взглядом мой амбар. — В моем списке присутствовала игра на арфе.

Я спросил, имеет ли она в виду свой список покупок.

Она замерла и посмотрела на меня, изогнув брови.

— Нет, мой список «успеть до сорока». Такие списки есть у многих. Ну, знаете ли: список того, что нужно успеть сделать до того, как тебе исполнится сорок. Например, поплавать с дельфинами или увидеть Великую Китайскую стену.

Я спросил, плавала ли она с дельфинами, и она ответила «нет». Я спросил, увидела ли она Великую Китайскую стену, и она снова ответила «нет». Затем добавила, что у нее в запасе есть еще пара лет. Я поинтересовался, сколько, но она не ответила. Возможно, мне не стоило спрашивать. Есть множество вопросов, которые не следует задавать, и, боюсь, это был один из них. Поэтому я переформулировал

свой вопрос и спросил, что произойдет, если ей не удастся поплавать с дельфинами, увидеть Великую Китайскую стену или сыграть на арфе до того, как ей исполнится сорок.

Она ответила:

— Ничего.

Некоторое время мы молчали.

— Здесь приятно пахнет, — наконец произнесла она. — Люблю запах дерева.

Я был рад, что она заметила запах, потому что большинство людей его не замечают, и я был рад, что он ей понравился, потому что большинство людей к нему равнодушны. Затем она указала на арфы:

— Они уникальны. Не могли бы вы что-нибудь о них рассказать?

Я ответил, что расскажу. Я сообщил ей, что это традиционные арфы в кельтском стиле, которые были широко распространены в Средние века в Британии, особенно на севере и западе. Я сказал ей, что вырезал *Эльфа* по собственному дизайну из платана, который упал у ручья четыре года назад, что *Сильвана* я смастерил из древнего бука, а *Кноплянку* из палисандра. Я показал ей ящики со струнами и объяснил, что красные — это Cs, черные — F, а белые — As, Bs, Ds, Es и G. Я рассказал ей, что у каждой струны своя толщина, и упомянул о важности натяжения. Я показал ей отверстия на задней стороне и то, как струны закреплены внутри. Я объяснил, как используются рычажки для настройки каждой ноты. Я рассказал ей о камешках. Я дал ей пару кусочков дерева, чтобы она подержала их в руках и сравнила вес. Я подробно

описал, насколько по-разному резонируют разные породы дерева.

До меня дошло, что я почти ничего не спросил о ней, поэтому завершил свое повествование и задал следующие восемь вопросов: Как дела? Есть ли у вас домашние питомцы? Что лежит в вашей огромной сумке? Ваш любимый цвет? Ваше любимое дерево? Где вы живете? Нравится ли вам быть эксмурской домохозяйкой? Хотите бутерброд?

Она дала мне следующие ответы: спасибо, хорошо; нет; большой фотоаппарат, блокнот и термос с супом; красный; береза; примерно в пяти милях к юго-западу отсюда; гм-м; было бы очень любезно с вашей стороны.

Я приготовил двенадцать бутербродов, используя шесть ломтиков хлеба и значительное количество мягкого творожного сыра. Я нарезал их треугольниками, потому что посчитал, что передо мной настоящая леди.

Я заметил, что процесс нарезки, совершенно неважно чего именно, помогает мне думать. Мне хорошо думается, когда я вырезаю из дерева арфу. Возможно, именно поэтому, рассматривая треугольники бутербродов, я принял *решение*.